

С. В. БЕРЕЗКИНА *

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОБСТВЕННОГО И НАРИЦАТЕЛЬНОГО В ТЕОНИМИИ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Ключевые слова: текстология академических изданий русской классики, теонимия, романы Ф. М. Достоевского «Бесы» и «Преступление и наказание».

В статье рассматриваются проблемы подготовки печатных и рукописных текстов в академических изданиях русской классики на примере прописного и строчного написания теонимов. В статье выдвигается предположение, что в данном случае создается сложный комплекс условий — исторических, культурных, религиозных — которые не позволяют решить проблему с помощью аутентичного копирования источника текста.

В настоящей заметке речь пойдет об одном из аспектов прикладной ономастики — выборе прописных или строчных букв теонимов, перед которым оказываются исследователи, готовя как печатные, так и рукописные тексты русских писателей дореволюционного времени. Теоретическое осмысление проблемы будет предложено нами в конце заметки. Поскольку говорить мы будем об академических изданиях, сразу же укажем, что правила, соответствующие современной орфографической норме в этой области, предлагает словарь «Прописная или строчная?», подготовленный в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (1-е изд. — 2007)¹. Тексты для анализа взяты нами из романов Достоевского — это прижизненные издания «Бесов» (1871–1872) и рукописи «Преступления и наказания» (1866). Написания с большой буквы «божественных имен» по современной орфографической норме, в общем, соответствуют принятым в то время правилам, которым и следовал Достоевский.

Область религиозной лексики соприкасается с идеологией, поэтому неудивительно, что с ней связан целый ряд проблем не только историко-языкового свойства. Не претендуя на обзор написаний

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН — s.berezkina@mail.ru.

¹ Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Прописная или строчная? Орфограф. словарь. М., 2011. С. 26–29.

«божественных имен» в России дореволюционной, советской, а затем постсоветской и желая сразу же ввести читателя в круг интересующей нас проблемы, остановимся на содержательной дифференциации прописных-строчных букв в религиозной лексике Достоевского. Эта дифференциация жестко определяла написания «божественных имен» в русской грамматике, как дореволюционной, так и нынешней: там, где речь идет о верховном едином существе, — Бог, там же, где слово соотносится с одним из множества, — бог². Причем до 1917 г. верховное единое существо связывалось, конечно же, только с христианским (по крайней мере с монотеистическим) Богом.

Рассмотрение проблемы прописных-строчных букв на материале произведений Достоевского лишено элементов конъектуры, поскольку религиозные убеждения писателя не внушают сомнений в «качественности» больших букв в словах соответствующего спектра. Однако сложность затрагиваемых в его произведениях проблем приводила к сбоям в тех фрагментах, где герои-атеисты излагали свое понимание мироустройства. Этот вопрос был подробно проанализирован В. Н. Захаровым на материале прижизненных изданий и рукописей романа «Бесы», и вывод, к которому пришел исследователь, был однозначно заявлен как невозможность «править» Достоевского, поскольку «унификация обедняет его текст»³. Иными словами, чередование прописных и строчных букв в «божественных именах» надо копировать даже в тех случаях, когда это противоречит орфографической норме. Так ли это? Действительно ли копирование текста доносит с несомненностью ту мысль, которой следовал писатель? Попытаемся еще раз проанализировать диалоги в романе «Бесы», которые обратили на себя внимание исследователя.

Вот диалог Петра Верховенского и Кириллова, заканчивающийся самоубийством последнего. Мы приводим отрывки из него, включающие в себя все слова интересующего нас спектра, с расстановкой прописных-строчных букв в соответствии с современной нормой, но при этом в фигурных скобках дублируем те же самые слова в написании, соответствующем двум источникам — публикации «Русского вестника» 1871–1872 гг. и отдельному изданию 1873 г.⁴:

² Там же. С. 27.

³ *Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах», или Почему нельзя править Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2012. Т. 9. С. 661–676. Перепечатано: *Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский: Очерк творчества. М., 2013. С. 300–317.

⁴ Замечено, что в прижизненных изданиях Достоевского расстановка прописных-строчных букв не обнаруживает расхождений в лексике религиозного спектра, т. е. писатель не вносил в эти слова исправлений такого рода (см.: *Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах»... С. 665), хотя некоторые важные нюансы, как это показано и в настоящей статье, все-таки имели место.

«— Я помню, что тут что-то о Боге {Боге}... ведь вы раз мне объясняли; даже два раза. Если вы застрелитесь, то вы станете богом {богом}, кажется так?

— Да, я стану богом {богом}. <...> Бог необходим, а потому должен быть. <...> Но я знаю, что Его {Его} нет и не может быть. <...> Если нет Бога {Бога}, то я бог {бог}.

— Вот я никогда не мог понять у вас этого пункта: почему вы-то бог {бог}?

— Если Бог {Бог} есть, то вся воля Его {Его}, и из воли Его {Его} я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие. <...> Неужели никто на всей планете, кончив Бога {Бога} и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте? <...> Для меня нет выше идеи, что Бога {Бога} нет. <...> Человек только и делал, что выдумывал Бога {Бога}, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать Бога {Бога}. <...> Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным. Вот *Он* {*Он*} сказал.

И он с лихорадочным восторгом указал на образ Спасителя {Спасителя}, пред которым горела лампада. Петр Степанович совсем озлился.

— В Него-то {Него-то}, стало быть, всё еще веруете и лампадку зажгли; уж не на «всякий ли случай»? <...> Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй, еще больше попа.

— В кого? В *Него* {*Него*}? <...> был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною {мною} в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. <...> Слушай: этот⁵ человек {человек} был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека {человека} — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему {Ему} такого же, и никогда, даже до чуда. <...> А если так, если законы природы не пожалели и *Этого* {*Этого*}, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и Его {Его} жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. <...>

— Это другой оборот дела. <...> Но позвольте, ну, а если вы бог {бог}? Если кончилась ложь и вы догадались, что вся ложь оттого, что был прежний Бог {Бог}?

— Наконец-то ты понял! <...> Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога {Бога}, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога {Бога}, и не сознать в тот же раз, что сам богом {богом} стал, — есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. <...> Я еще только бог {бог} поневоле и я несчастен, ибо *обязан* заявить своеволие. <...> ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть

⁵ В журнальном тексте было «этот», в отдельном издании — «Этот», что, по-видимому, можно считать опечаткой.

человеку без прежнего Бога {Бога} никак. Я три года искал атрибут божества {божества} моего и нашел: атрибут божества {божества} моего — Своеволие!»⁶

В данном диалоге двух героев романа есть только один, надо признать, небольшой фрагмент, где написания, связанные с «божественными именами», не соответствуют норме расстановки заглавных букв, как современной, так и тогдашней, — это рассказ Кириллова о распятии («...был на земле один день ~ без этого человека...»). Здесь прописная буква должна быть — в согласии, в частности, и с новозаветным текстом, который в то время и сейчас был и остается наивернейшим ориентиром — еще в трех словах («со мною», «человек», «человека»). Причем сразу же после рассказа о распятии заглавные буквы вновь появляются в речи всё того же Кириллова, говорящего о Христе («Ему», «*Этого*», «Его»). Почему же их нет там, где он говорит о распятии?

Этот рассказ в устах Кириллова производит впечатление какой-то «цитаты», причем автор ее вполне узнаваем. Это Э. Ренан с его книгой «Жизнь Иисуса» (1863), рисующей Христа как идеального человека, лишнего атрибутов богосыновства⁷. Отсюда и ошеломляющее слово «оба», которое Кириллов относит к Иисусу Христу и одному из распятых разбойников («оба», к тому же, «померли»): в Новом Завете к Христу не прилагается местоимение «оба», которое могло бы объединить Его с кем-либо из персонажей евангельских повествований. Если бы такой случай имелся в новозаветном тексте, то слово «оба» следовало бы начинать с заглавной буквы.

Таким образом, в рассказе о распятии в устах Кириллова дана достаточно явная отсылка к концепции Ренана, оправдывающая отсутствие заглавных букв в рассказе о распятии «человека» по имени Иисус. Реминисценция не рассеивается, когда в речь бедного сумасшедшего, истязуемого садистом, входят исступленные слова любви к тому «чуду», которое явил на земле «*Этом*»⁸. Прописные буквы, соответствующие норме правописания «божественных имен», лишь по видимости совпадают с ней, поскольку Кириллов и здесь говорит о восхищении человеком, не более того, повышение же первых букв оправдывается здесь как эмоциональным настроением героя, так и желанием автора передать важную для него мысль. Нет сомнения, что чередование

⁶ Ср.: Русский вестник. 1872. № 12. С. 799–803; *Достоевский Ф. М.* Бесы. Роман в 3-х частях. М., 1873. Ч. 3. С. 224–230. См. также: 10, 468–472.

⁷ Стоит отметить строгое следование орфографической норме в публикации на страницах журнала Достоевского «Эпоха» статьи Э. Ренана «Древние религии» — четкое разделение слов, с одной стороны, «бог» («божество»), а с другой, «Бог» как «тайны высшего мира» (Эпоха. 1864. № 7. Отд. II. С. 32).

⁸ См. слова Достоевского об этой стороне восприятия Ренаном личности Иисуса Христа, выраженные в «Дневнике писателя» 1873 г., в статье «Старые люди»: 21, 10–11, 381. См. также: 9, 396–399 (коммент. Н. Н. Соломиной к роману «Идиот»); *Куйко Е. И.* Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 106–122.

прописных-строчных букв в диалоге Кириллова и Верховенского должно быть сохранено в современном издании, но — с присовокуплением соответствующего комментария.

Написания «божественных имен» в диалоге Кириллова и Петра Верховенского являют идеальный случай совпадения с грамматической нормой и, одновременно, привнесения авторского понимания в то, как в отступление от нее можно вместить некую концептуальную мысль. Слово «Бог» в этом диалоге Кириллов не относит ко Христу. Человек, положивший Своим Рождеством начало новой эры, не является для него Богом⁹. Мысль Кириллова о Боге, без упоминаний Христа, выглядит еще более сложной в другом его диалоге, уже с повествователем, из первой части романа (приводим вновь в соответствии с нормативным правописанием и с указанием в фигурных скобках на то, как слово было напечатано в прижизненных изданиях):

«Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет всё равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог {Бог} будет. А тот Бог {Бог} не будет.

— Стало быть, тот Бог {Бог} есть же, по-вашему?

— Его нет, но Он {он} есть. <...> Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог {Бог}. <...> Тогда историю будут делить на две части: от Гориллы <так!> до уничтожения Бога {Бога} и от уничтожения Бога {Бога} до...

— До Гориллы?

— ...До перемены земли и человека физически. Будет богом {Богом¹⁰} человек и переменится физически. <...> Кто смеет убить себя, тот бог {бог}. Теперь всякий может сделать, что Бога {Бога} не будет и ничего не будет. <...> Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог {бог} станет»¹¹.

Текст этого диалога в том, что связано с «божественными именами», производит крайне противоречивое впечатление. В нем *одна и та же мысль* выражена в *прижизненных изданиях* с использованием кардинально противоположных написаний. Сравним: «Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет», «Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог» и — «Кто смеет убить себя, тот бог», «Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог станет». Есть ли смысловое различие в этих изречениях Кириллова, передающихся в прижизненных изданиях посредством слов «Бог» и «бог»? Неужели понижение

⁹ Ср.: «Отступление от орфографии разоблачает уклонения и нечестивые мысли героев» (Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах»... С. 665). Здесь следует подчеркнуть, что у Достоевского написания «божественных имен» как с прописной, так и со строчной буквы в равной степени способны «разоблачать» изъяны такого рода в размышлениях героев.

¹⁰ Вариант текста в «Русском вестнике»: «Бог — человек».

¹¹ Ср.: Русский вестник. 1871. №2. С. 626; Достоевский Ф. М. Бесы. Ч. 1. С. 161–162. См. также: 10, 93–94.

начальной буквы стало следствием лишь прояснения его идеи «уничтожения» Бога, следствием введения темы самоубийства? То есть мертвый становится просто «богом», а живущий и борющийся со своим страхом — подлинный «Бог»... Нам представляется это маловероятным, даже при допущении, что Достоевский таким образом хотел передать ход мыслей сумасшедшего человека¹². Резоннее все-таки предположить здесь некий издательский недочет, который требует исправления. В какую же «сторону» исправлять? Может быть, так: «Кто смеет убить себя, тот Бог» и «Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет»? Казалось бы, эти два исправления более предпочтительны, поскольку минимальны. В их пользу могут свидетельствовать и рукописи диалога, черновые и наброски, показывающие более частое отнесение к себе лично слова «Бог» в репликах Кириллова¹³. Хотя и здесь не без исключений, как, например, в наброске «Если нет бога — я бог...»¹⁴. То есть речь идет, возможно, о более частом, но не всё покрывающем обращении на себя слова «Бог» в рассуждениях Кириллова¹⁵.

Эти наблюдения, тем не менее, не избавляют нас от вопроса о причине появления в печатных изданиях в конце диалога между Кирилловым и повествователем слова «бог», соответствующего орфографической норме. Мы можем построить здесь множество гипотетических конструкций, но они не перечеркнут правомочность предположения (с оглядкой на диалог Кириллова и Верховенского-младшего!) об авторском недосмотре. Мысль о «сомнениях и противоречиях автора в интерпретации их (героев. — С. Б.) мнений», порождающих орфографический сбой, — всего лишь одна из гипотез¹⁶. Если автор в конце диалога Кириллова и повествователя, как бы убирая неисправность текста выше, влагает в уста проповедника самоубийства «бог» с понижением первой буквы, то это может ясно свидетельствовать о позиции Достоевского. На наш взгляд, исправлять нужно весь диалог с учетом того правильного употребления слова «бог», которое появляется

¹² Ср.: «Отклонения от орфографической нормы и восстановление общих правил передают сомнения и противоречия героев, сомнения и противоречия автора в интерпретации их мнений» (*Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах»... С. 675).

¹³ См.: Там же. С. 666–673. Высказывания Кириллова аутентично (со всеми прописными-строчными буквами), по рукописям, приведены на страницах статьи В. Н. Захарова, что существенно дополняет публикацию тех же рукописных текстов в академическом издании, где были сняты прописные буквы в словах интересующего нас спектра (см. публикацию вариантов чернового автографа третьей части, диалог Кириллова и Верховенского-младшего: 12, 76–82).

¹⁴ *Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах»... С. 668–669; 11, 293.

¹⁵ Подчеркнем: неисправность публикации академического издания в отношении прописных букв, а также всего лишь выборка примеров, достаточно, впрочем, ярких, в статье В. Н. Захарова говорят о том, что окончательный вывод о преимущественных написаниях в рукописях «Бесов» по такому сложному персонажу, как Кириллов, делать еще рано.

¹⁶ *Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах»... С. 675.

у писателя в финале диалога. Это напоминает о пресловутой унификации, но здесь никуда от нее не уйти, поскольку мысль, выраженная посредством слов «Бог» и «бог», очень сложна, и нужно распутать ее (естественно, с комментарием, опирающимся на то, в каком виде диалог был выпущен в свет Достоевским).

Особого места заслуживает разговор о междометии «ей-богу» и устойчивых словосочетаниях (например, со словом «Боже») в текстах академических изданий. Современная грамматическая норма диктует написание их со строчной буквы. Авторы, выпускающие «канонические тексты» Достоевского, настаивают: «...во времена Достоевского божились всерьез, отдавая отчет слову»¹⁷. Весьма шатким представляется этот критерий — оценка серьезности настроений того или иного персонажа, ударившегося в божбу. Если из этого исходить, то чередование написаний «ей-богу» и «ей-Богу» в рукописях Достоевского должно было бы связываться с образами безбожников, с одной стороны, и богоискателей, с другой, хотя на самом деле эту тенденцию обнаружить не удастся.

Что же представляют собой рукописи писателя, и вычлениаются ли в них моменты использования прописных и строчных букв в религиозной лексике, требующие контекстного анализа? Как показало знакомство с аутентичным воспроизведением рассуждений Кириллова, в «Канонических текстах» не рассматривается возможность описок или равнодушной к орфографии скорописи Достоевского. На первый взгляд, это выглядит очень солидно, но не мелковат ли вывод, вытекающий из этой «аутентичности»? Всё, что нам предлагают, — это «сомнения и противоречия героев, сомнения и противоречия автора»... А что если мысль Достоевского была ясной настолько, что он не успевал в рукописи правильно расставлять слова «Бог» и «бог»? Приглядимся к рукописям «Преступления и наказания», герои которого не пускаются в столь сложные, как в романе «Бесы», рассуждения о Боге, хотя и не равнодушны к религиозной проблематике. Так, в первой «краткой» редакции («повесть») романа «Преступление и наказание» Достоевского есть написания «ей-богу» и «боже мой» (по одному случаю) со строчной буквы. В подготовительных материалах к первой редакции, затем во второй («пространной») редакции, набросках к ней, наконец, подготовительных материалах ко второй редакции романа колебаний в написаниях всего спектра производных слов от «Бог» нет. В подготовительных материалах к третьей (окончательной) редакции обнаруживаются следующие записи: «Не дай вам бог подвергнуться несчастью», «Ну, ей богу же, это случилось бы, если б не проклятый Миколка» — высказывания следователя; «Если это бог сочинил, для спокойствия божия, то это — великий человек!» — слова Свидригайлова. Последнее

¹⁷ *Достоевский Ф. М. Бесы* / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1990. С. 681.

высказывание записано в соответствии с орфографической нормой, поскольку это слова не о Боге, а о создании ума человеческого (сходная позиция с рассуждениями Кириллова, но уже в вольтерьянском духе). Наконец, еще два понижения начальных букв в интересующих нас словах можно увидеть в черновом автографе окончательного текста (Разумихин: «Если б еще мгновение — я бы подрался, ей богу!») и в беловом автографе (Раскольников: «[Дай бог любовь да совет]»).

Итак, диапазон расхождений в прописных-строчных буквах религиозной лексики по рукописям «Преступления и наказания» ничтожен. На наш взгляд, этими расхождениями (за исключением принципиально важных особенностей в высказывании Свидригайлова о том, что «бог сочинил») вполне можно пренебречь как описками в публикации академического издания. Потому что количество всех остальных написаний, связанных или касающихся «божественных имен» и соответствующих орфографической норме, в рукописях этого романа Достоевского несопоставимо больше, по сравнению со столь ничтожным количеством ошибок скорописи.

При разговоре о скорописи стоит вспомнить и об особенностях применения прописных букв в книгах церковной (не гражданской) печати. Для людей той культурной традиции это было актуально, поскольку все они, с разной степенью интенсивности и постоянства, сталкивались на протяжении своей жизни и со Священным Писанием, и с Псалтирью, и с Минеями, и с молитвословами, часословами и другими церковнопечатными изданиями.

Хорошо известно, что прописные буквы применительно к словам «Бог», «Господь», «Богородица» и проч. вошли в русскую печать в петровскую эпоху с появлением гражданского алфавита¹⁸. Здесь прослеживается постепенность в развитии этой тенденции, но уже к середине XVIII в. она становится повсеместно распространенной. Церковная печать оказалась, конечно же, более консервативной: традицией церковнопечатных изданий, сохранявших старый шрифт, была постановка заглавной буквы только в одном случае — в начале стиха. То есть со строчной буквы печатались слова не только «божественные», но и все имена собственные, а также слова, стоявшие в начале предложения. Постепенно, правда, и в церковнопечатных изданиях возникла некоторая разноголосица: книги, печатавшиеся в Киеве и Петербурге,

¹⁸ Подводя итоги тем излишне широким навыкам, которые распространились в русской печати в связи с прописными буквами, Сенковский в 1835 г. предлагал ограничиться (исключая, естественно, имена собственные) написаниями лишь двух родов — «Бог, Спаситель, Дева и проч.» и «Государь, Император, Король и проч.» (Сенковский О. И. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1859. Т. 9. С. 366). Это высказывание было с одобрением приведено Я. К. Гротом в «Спорных вопросах русского правописания от Петра Великого доныне» (1873), где написания с большой буквы «высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан» и «титла царствующего в России Дома» указывались как обязательная орфографическая норма (см. в 3-м изд.: СПб., 1885. С. 305–306).

переняли — уже в конце XVIII в. — пришедшую с Запада грамматическую норму и ввели в тексты книг (в добавление к началам отдельных стихов) прописные буквы. Тем не менее образцовой на всем протяжении дореволюционного существования РПЦ оставалась Московская синодальная типография, которая неукоснительно придерживалась старой русской традиции печатания церковных книг в отношении имен Божиих. В конце концов это привело к прямой полемике с московскими издателями тех, кто усматривал в киевских и петербургских церковнопечатных изданиях позитивный пример использования прописных букв. Написанные в связи с обсуждением этого вопроса записки (а в них затрагивались многие вопросы, не только историко-языковые и собственно книгоиздательские, но и богословские) рассматривались в Синоде, и в 1892 г. по ним было вынесено решение, предлагавшее всем типографиям следовать традиции Московской синодальной типографии¹⁹.

Казалось бы, какое отношение имеют особенности применения прописных букв в церковнопечатных книгах к работе современного текстолога? Тем более что некоторое выделение имен Божиих в них и было и есть — это титла, обладавшие значением не только сокращения (следует заметить, что титла традиционно покрывали не все имена Божии, оставляя, таким образом, многие без какого-либо выделения). О церковнопечатной традиции следует вспомнить, поскольку в обиходе современных текстологов постоянно всплывает один и тот же вопрос: передают ли понижения первой буквы при написании религиозной лексики в разного рода текстах русских писателей дореволюционной эпохи градус их религиозности? Можно ли считать исчезновение, полное или, как это едва ли не постоянно происходит, частичное, бессистемное, больших букв в том или ином рукописном тексте зеркальным отражением отношения писателя к религии, церкви и — скажем прямо — Богу как личности?

В этих вопросах, над которыми приходится размышлять специалистам, работающим над подготовкой текстов классических произведений, речь идет о сближении проблем чисто эдичионных, с одной стороны, и идеологических, с другой. Вообще возможность такого рода — при огромном идейном диапазоне русской литературы! — сомнения не вызывает. В опоре на знание печатных и рукописных текстов различных авторов можно продемонстрировать различные варианты использования

¹⁹ См. об этом: *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). М., 2001. С. 76, 270; *Плетнева А. А.* Епископ Августин (Гуляницкий) и проблема новых переводов с греческого на церковнославянский язык во второй половине XIX в. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка.* 2001. М., 2002. С. 256; *Кравецкий А. Г.* 1) Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006–2009).* М., 2010. С. 472, 480–481; 2) Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876–1892) // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова.* М., 2015. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2014–2015). С. 149–185.

(или неиспользования) прописных букв в религиозной лексике. Настоящей статьёй мы хотели бы побудить исследователей к публикации подобного рода наблюдений, сделанных в ходе изучения литературно-эпистолярного наследия русских писателей. С нашей же стороны, как своего рода гипотезу, мы хотели бы высказать следующую мысль: практика и опыт церковнопечатных книг, навык чтения которых (или хотя бы знакомство с ними) был у всех людей дореволюционной России, показывал, что написание слов религиозного спектра со строчных букв не было само по себе каким-либо «идеологическим криминалом». Так делала и церковь, предлагая богослужебные книги православному народу.

«Идеология» связана с эдичионной практикой весьма опосредованно. Во всех случаях нужен анализ текста, возможно, в широком творческом диапазоне. Алгоритм же «спотыкания», который не позволяет выносить прямое идеологическое суждение о том или ином слове в написании больших букв в словах религиозного спектра, может быть таким: «Вы утверждаете, что эти описки, сгустившиеся на этой (этих) странице (страницах) рабочей тетради, свидетельствуют о пониженном градусе религиозности писателя? а мы думаем, что это скоропись, оправданная, возможно, некоей памятью о том, что и церковь такие слова со строчных букв печатать себе не возбраняет».

Само по себе копирование в современном издании прописных-строчных букв религиозной лексики вступает с идеологическим фактором в сложные взаимоотношения. Предполагается, что современный читатель при лицемерии скопированных написаний такого рода осознает некую правду об истинных настроениях автора. Этот вывод более чем спорный, поскольку современный читатель (за исключением какого-то тончайшего слоя) не обладает навыком чтения церковнопечатных книг. У него не срабатывает культурная память, и он придает значение особенностям, которые на самом деле, на наш взгляд, не были в ту эпоху определяющими. Аутентичным воспроизведением памятника мы вводим читателя в заблуждение, поскольку он делает выводы, выпадающие из историко-культурного контекста.

Слово «памятник» академическая текстология решает приложить лишь к рукописным текстам. Что же касается так называемых основных текстов классических произведений, то академические издания дают их в согласии с современными правилами орфографии и пунктуации. Но и в этих разделах наших изданий читателя ждет некая ловушка в той же религиозной сфере. В XIX в. прописные буквы украшали, в согласии с правилами своего времени, множество слов, которые сейчас пишутся со строчной: «господин», «милостивый государь», «его превосходительство», названия месяцев, этнонимы (например, «русский») и т. д.²⁰ В прижизненных изданиях русских классиков сло-

²⁰ См. об этом: *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 338–340.

ва религиозного спектра стояли в ряду этих написаний, ничем из них не выделяясь. (Прописная буква у всех этих слов была одна и та же!²¹) В настоящий момент мы даем строчные начальные буквы в словах типа «господин», «январь», «французский» и т. п., причем резко возрастает роль прописных букв в словах религиозного спектра. Из-за этого, надо признать, они действительно «обогащаются» в наших изданиях неким идеологическим ореолом.

Что же делать? Может быть, понизить всё, что писалось с большой буквы, — и почтительные именованья особ, и месяцы, и этнонимы, а заодно и «религию»? Последнего, конечно же, никто не допустит, поскольку слишком живой является память об изданиях советского времени, насквозь пропитанных идеологией (в них не было места ни «Господину», ни «Его Превосходительству», ни уж тем более — Богу). Принцип следования современным грамматическим нормам в основных текстах академических изданий не может быть поколеблен, но использование прописных букв в религиозной лексике, по-видимому, возможно ограничить применительно к тем или иным авторам и их произведениям. Везде нужен критический подход — к любому из авторов и к любому из слов религиозного спектра.

Библиографический список

- Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1885.
- Достоевский Ф. М.* Бесы / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1990.
- Достоевский Ф. М.* Бесы. Роман в 3-х частях. М., 1873. Ч. 3.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Захаров В. Н.* Заглавная буква в «Бесах», или Почему нельзя править Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Изд. в авт. орфографии и пунктуации: Канон. тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2012. Т. 9.
- Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский: Очерк творчества. М., 2013.
- Кийко Е. И.* Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4.
- Кравецкий А. Г.* Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006–2009). М., 2010.

²¹ См. яркие образчики принятой и обычной для культуры того времени манеры, обусловленной и орфографической нормой, в письмах митр. Филарета (Дроздова), например, к Николаю I: «...чтобы Верховный Единодержец всего сущего Единодержавие Твое сохранять!» (Письма Филарета, митрополита московского и коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам / Сост. и изд. Саввою, архиеп. тверским и кашинским. Тверь, 1888. С. 4).

- Кравецкий А. Г.* Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876–1892) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2014–2015).
- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX в.). М., 2001.
- Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К.* Прописная или строчная? Орфограф. словарь. М., 2011.
- Письма Филарета, митрополита московского и коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам / Сост. и изд. Саввою, архиеп. тверским и кашинским. Тверь, 1888.
- Плетнева А. А.* Епископ Августин (Гуляницкий) и проблема новых переводов с греческого на церковнославянский язык во второй половине XIX в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002.
- Ренан Э.* Древние религии // Эпоха. 1864. №7. Отд. II.
- Русский вестник. 1871. №2.
- Русский вестник. 1872. №12.
- Сенковский О. И.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1859. Т. 9.

Berezkina S. V.

THE RELATIONSHIP OF PROPER AND COMMON NOUNS IN THEONIMIA: ON THE PROBLEM OF UPPERCASE AND LOWERCASE LETTERS IN ACADEMIC EDITIONS OF RUSSIAN CLASSICS

Key words: textology of academic editions of Russian classics, theonimia, Dostoevsky, novels *Demons* and *Crime and punishment*.

The article considers the problems of preparation of printed and handwritten texts in academic editions of Russian classics on the example of uppercase and lowercase spellings of “divine names”. Historical, cultural, religious, ideological, and grammatical factors create a complex textual problem that cannot be solved by authentic copying of the text source.

References

- Grishunin A. L. *Issledovatel'skie aspekty tekstologii*. Moscow, 1998.
- Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne*. St. Petersburg, 1885.
- Dostoevskii F. M. *Besy*. Podgot. teksta, vstup. st. i primech. V. N. Zakharova. Petrozavodsk, 1990.
- Dostoevskii F. M. *Besy. Roman v 3-kh chastyakh*. Moscow, 1873.
- Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols*. Leningrad, 1972–1990.

- Zakharov V.N. Zaglavnyaya bukva v “Besakh”, ili Pochemu nel’zya pravit’ Dostoevskogo. *Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenij: Izd. v avt. orfografii i punktuatsii: Kanon. teksty*. Pod red. V.N. Zakharova. 2012. T. 9.
- Zakharov V.N. *Imya avtora — Dostoevskii: Ocherk tvorchestva*. Moscow, 2013.
- Kiiko E.I. Dostoevskii i Renan. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, 1980. T. 4.
- Kravetskii A. G. Lingvisticheskie i tekstologicheskie standarty sinodal’nykh tipografii. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2006–2009)*. Moscow, 2010.
- Kravetskii A. G. Materialy diskussii ob upotreblenii propisnykh bukv v knigakh tserkovnoi pechati (1876–1892). *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. Moscow, 2015. Vyp. 5. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2014–2015).
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX — XX v.)*. Moscow, 2001.
- Lopatin V.V., Nechayeva I. V., Chel’tsova L. K. *Propisnaya ili strochnaya? Orfogr. slovar’*. Moscow, 2011.
- Pis’ma Filareta, mitropolita moskovskogo i kolomenskogo, k velichaishim osobam i raznym drugim litsam*. Sost. i izd. Savvoyu, arkhiep. tverskim i kashinskim. Tver’, 1888.
- Pletneva A. A. Episkop Avgustin (Gulyanitskii) i problema novykh perevodov s grecheskogo na tserkovnoslavyanskii yazyk vo vtoroi polovine XIX v. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. 2001. Moscow, 2002.
- Russkii vestnik*. 1871. N 2; 1872. N 12.
- Epokha*. 1864. N 7.